

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Б. Я. Волчок

ЦЕЙЛОНСКИЙ ТАЛИСМАН

Находки бывают разные. Редкая, счастливая удача археолога или случайно завалявшаяся в кармане монета — и то и другое находка. А бывает и так: то, что ищешь годами, ради чего предпринимаешь почти героические усилия, оказывается, уже давно находится рядом с тобой и ждет, когда ты протянешь руку и заново откроешь его для себя и других — добытое уже десятки лет назад и заслуженно занявшее свое место в хранилище, среди музейных «единиц хранения». И находку эту совершаешь не ты, так называемый специалист, который во время своих торопливых и редких набегов в музейные фонды ничего там по существу не видит, кроме срочно понадобившейся вещи. Тебе ее преподносит хранитель, который за несколько десятков лет постоянного общения с фондами не только прекрасно знает любой из многих тысяч предметов, но словно бы чувствует, когда и кому этот, лежащий давно уже без движения, казалось бы «мертвый», предмет вдруг может понадобиться. Такой хранитель охотно распаковывает двери кладовых перед ученым или студентом, художником-модельером или режиссером кино.

Поэтому я несколько не удивилась, когда хранитель индийских (и многих других) коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ) Людмила Леонидовна Левизи предложила мне взглянуть на деревянную дощечку с какими-то, как она выразилась, непонятными рисунками и значками, зная мой постоянный интерес к подобным сюжетам. Смотрю: на одной из сторон небольшой прямоугольной дощечки из темного дерева твердой породы острым орудием вырезаны четкие контуры нескольких, очень знакомых, часто встречающихся в индийском искусстве фигур или символов. Но это только первое впечатление, вызванное тем, что во всей композиции центральное место занимают действительно давно примелькавшиеся привычные изображения отпечатков босых ступней «бога» и концентрических кружков с точкой посередине — мотива, характерного для индийской символики всех времен, начиная с самых древнейших. И вдруг среди этих обычных символов, почти в центре, на видном месте, хотя и немного стиснутый остальными рисунками, — самый естественный протоиндийский «штандарт» — загадочный объект, встречающийся на сотнях протоиндийских печатей, в течение полувека интриговавший своей непонятностью (при явной значимости) всех, кто занимался этой культурой. Аналогов этому объекту, столь пышно изображавшемуся перед туром-единорогом почти на всех протоиндийских печатях, не могли обнаружить ни в позднейшей индийской, ни в других культурах даже такие выдающиеся специалисты, знатоки материальной культуры Индии, как Джон Маршалл, Эрнст Маккей и Мадхо Саруп Ватс — археологи, раскопавшие города Мохенджо-

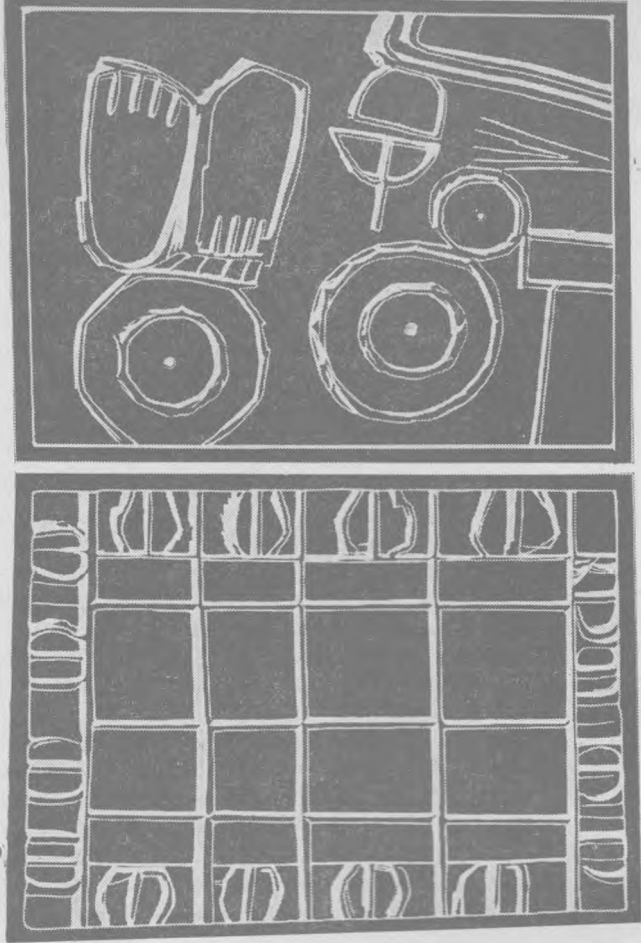

Рис. 1. Цейлонский талисман, две стороны (прорисовка); коллекции МАЭ, отдел Индии, опись № 3107 — 17

Даро, Харалла и Чанху-Даро, опубликовавшие материалы раскопок с подробными комментариями.

Каждый из них обратил, конечно, внимание на непонятный объект, образующий столь устойчивую композицию вместе с туром-единорогом; все они высказали мысль о каком-то особом назначении этого объекта. Помимо этого соображения самого общего характера, каждый из них попытался дать этому предмету конкретную интерпретацию. Джон Маршалл полагал, что это предназначенная для ношения в руках курильница, в которой сжигались благовония. Конструкцию ее он представлял себе как два сосуда, укрепленных на едином стержне. В верхний сосуд (вращающийся), изготовленный из металла, помещали благовония, а в нижнем находился огонь. Такой способ возжигания благовоний, пишет Дж. Маршалл, обеспечивал постепенное, медленное сгорание. В качестве основного аргумента он ссылается на печать из Мохенджо-Даро¹, где, по его мнению, по краям нижнего сосуда изображены небольшие языки пламени². М. С. Ватс, присоединяясь к это-

¹ J. Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus civilization, v. III. London, 1931, tabl. XIII, 22.

² Там же, т. I, с. 69.

му толкованию, развивает на харашпском материале мысль Дж. Маршалла о том, что эта «курильница» была объектом почитания сама по себе еще до того, как она была увязана в протоиндийских памятниках с туром-единорогом³. Э. Маккей, описывая аналогичные печати из Чанху-Даро, отмечает, что так называемые культовые объекты перед туром-единорогом изображались в нескольких вариантах. На большинстве печатей, пишет он, эти объекты имеют вид плетеных изделий; верхние части этих конструкций он иногда сравнивает с перевернутой корзиной. Однако сам Э. Маккей тут же признает, что до сих пор не было предложено ни одного сколько-нибудь удовлетворительного толкования этого культового объекта: его называли и клеткой, и кормушкой для скота, и подставкой для сжигания благовоний. Этот объект «составляет проблему, которая когда-нибудь, безусловно, будет разрешена», заключает Э. Маккей⁴.

Столь широкий диапазон предлагавшихся интерпретаций объясняется, конечно, уникальностью этого объекта: сопоставлять было не с чем и каждый фантазировал по-своему.

Возвращаясь к нашей музейной дощечке, следует добавить, что если бы она была изготовлена, например, из стеатита, она вполне могла бы сойти за протоиндийскую — практически все начертанные на ней символы в том или ином виде встречаются среди памятников протоиндийского искусства.

Естественно, немедленно забираю дощечку (разумеется, совершив все необходимые для получения экспоната из фондов формальности) и бегу показывать находку коллегам. Реакции весьма разнообразные, вплоть до совсем неожиданной: «Небось, сами нацарапали! Или кто-то помогал?».

На этот вопрос можно ответить скупыми словами музейной описи № 3107 Отдела Индии МАЭ, где под № 17 числится «дощечка с заклипаниями для увеличения плодородия». Перед нами экспонат из коллекции сельскохозяйственных орудий и домашней утвари, привезенной с Цейлона известными собирателями А. М. и Л. А. Мервартами, которые совершили экспедицию в Индию и на Цейлон в 1914—1918 гг. К сожалению, этим ограничиваются наши документированные сведения о дощечке. Описи коллекций супругов Мерварт, образующих ныне основу индийского фонда МАЭ, были составлены самими собирателями. Однако описи эти весьма неравноценны; наряду с очень детальными, подробными описаниями экспонатов встречаются иногда лаконичные записи типа вышеприведенной. Очевидно, дощечка, приобретенная и включенная в одну опись вместе с сельскохозяйственными орудиями, является талисманом, предназначенным для получения хорошего урожая. Она напоминает типичный амулет или талисман (индийское название *янтра*), которые во множестве и по различным поводам изготавливаются в Индии. Об этом же говорит и обратная сторона дощечки, площадь которой острым инструментом разделена на 16 квадратов. (Впрочем, не очень тщательно. Вообще следует отметить, что работа резчика в данном случае несколько грубоватая, безусловно непрофессиональная, в отличие от предметов искусства. Это можно объяснить назначением предмета.) Амулеты с числом сегментов 4, 8 и 16, предназначенные оберегать со всех 4, 8 и 16 направлений горизонта, распространены в Индии, особенно в ее южных областях.

Исчерпав все эмоции по поводу того, что некий, безусловно очень значительный, древнеиндийский символ, минуя каноническое официальное искусство и символику, выжил и в течение тысяч лет «незаконно» ■ тайком от ученых (но не от народа!) жил и здравствовал, дойдя до

³ M. S. Vats. Excavations at Harappa. New Delhi, 1940, vol. I, p. 321, 322.

⁴ J. H. Mackay. Chanhu-Daro excavations 1935—1936. New Haven, 1943, p. 147.

наших дней, начинаешь трезветь и уже более спокойно задумываться над тем, что же дает эта находка? Ведь она, увы, ничего нам не прибавляет для понимания того, древнего «штандарта». Можно лишь констатировать, что и в этом случае, как и во многих других, мы имеем дело с символом, утратившим свой первоначальный смысл и употребляющимся как некий священный, благопожелательный знак в самом широком плане. В индийской (и других) символике насчитывается немало подобных знаков, которые изображают с целью достичь успеха, счастья, здоровья, потомства и т. п. По-видимому, все они в глубокой древности несли вполне конкретную смысловую нагрузку и занимали свое определенное место в той, присущей каждой культуре системе, которая теперь именуется «красивым» словом семиотическая. Впоследствии, по тем или иным причинам, они утратили свою первоначальную семантику или были переосмыслены. Судьба их в каждом конкретном случае может быть самой разнообразной: от полной утраты знака (или символа) до превращения его в обычный, лишенный конкретного значения, благопожелательный (или наоборот) символ, а иногда — и просто орнаментальный мотив. В принципе такие превращения могут переживать и знаки письма, вышедшего из употребления.

Установление изначальной семантики, разумеется, очень важный аспект при исследовании подобных элементов культуры, но все же не единственный. Наглядно проиллюстрировать этот тезис позволяет цейлонская дощечка, на которую обратила мое внимание Л. Л. Левизи.

Бытование на Цейлоне символа, столь популярного в III тысячелетии до н. э. в долине Инда, — отнюдь не мелочь и тем более не курьез или игра случая, как это может показаться на первый взгляд. Это еще одно подтверждение поразительной стойкости традиционной культуры народа. Оказывается, почти бесследно исчезнувшая цивилизация может через 5 тысяч лет вдруг напомнить о себе столь необычным образом, причем не где-нибудь в бывшем центре или вблизи него, а на далекой периферии. И этим мы обязаны данным этнографии. Ведь о распространении протоиндийской культуры на Цейлоне археология, которой должно принадлежать решающее слово, пока хранит полное молчание.

В результате интенсивных раскопок последних лет на территории Индии и Пакистана границы распространения протоиндийской культуры далеко отодвинулись от долины Инда и непосредственно примыкающих к ней областей. Нас в данном случае больше всего интересует крайняя южная граница распространения этой культуры. Таковой можно считать южную оконечность полуострова Индостан, где индийским археологом Б. Б. Лалом обнаружена мегалитическая культура с протоиндийскими надписями на сосудах, датируемая первой половиной II тысячелетия до н. э.⁵ Центры этой культуры прослеживаются на всем Деканском нагорье, от берегов Нарбады (поселение Навдатоли, вблизи протоиндийского города Лотхала) до Адичаналлур на крайнем юге полуострова. Южнее этой точки, и в частности на Цейлоне, отделенном от мыса Коморин узким проливом, пока ничего протоиндийского обнаружено не было. Вместе с тем географическая и культурно-историческая близость Цейлона и Индостана, а также подтвержденное наукой высокоразвитое древнейшее мореплавание вдоль Малабарского побережья далеко на юг — обстоятельство, позволяющие постулировать проникновение на Цейлон по крайней мере каких-то элементов протоиндийской культуры.

В этой ситуации наша музейная дощечка уже не просто любопытный деревенский талисман; это объект, который по своему значению равноценен археологической находке. При отсутствии других свидетельств он

⁵ B. B. Lal. From the Megalithic to the Harappa: tracing back the graffiti on the pottery.— «Ancient India», New Delhi, 1960, № 16.

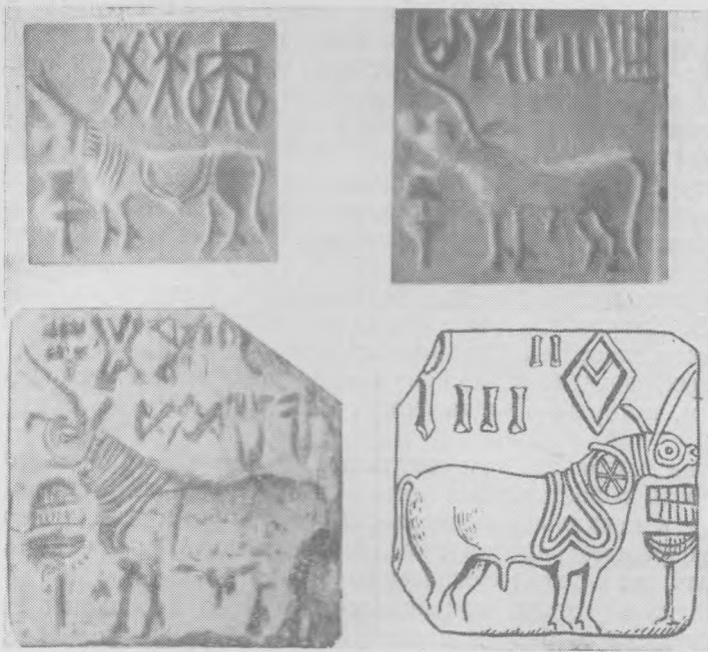

Рис. 2. Образцы протоиндийских печатей со «штанدارтом»,
справа внизу — прорисовка

как бы удлиняет еще на одно звено цепочку протоиндийских элементов культуры, протянувшуюся в древности от долины реки Инда, через Южную Индию, вплоть до Цейлона. Следует особо подчеркнуть, что этот символ попал на Цейлон безусловно в глубочайшей древности, в противном случае были бы какие-то следы непрерывности этой традиции на территории, отделяющей долину Инда от Цейлона. Это соображение еще больше усиливает впечатление «археологичности» талисмана — весьма прозаического предмета из обихода цейлонского земледельца начала XX в.

На этом в сущности заканчивается история цейлонской дощечки, но не «штандарта». Не сказать здесь хотя бы несколько слов о дальнейшем поиске и его результатах, значило бы оставить читателя в неведении. Поэтому, в отличие от хорошего детектива, где ничего не ясно до самого конца, скажем сразу — разгадка пришла, и притом совсем с другой стороны, неожиданно и, как теперь кажется, относительно легко. Один исследователь, не дожидаясь пока специалисты-индологи будут еще лет 20—30 продолжать объявленный розыск аналогов, стал... просто рассматривать сам «штанdart». Точнее, конечно, не «просто рассматривать». Предприняв (по ходу дешифровки протоиндийских текстов) необходимое сплошное формальное описание всех протоиндийских изображений и символов, он вынужден был «прихватить» и безнадежный «штанdart» — без этого формальные сводки были бы неполными. В результате кропотливой и, как в начале казалось, неблагодарной работы по детальному рассмотрению всех вариантов (свыше тысячи объектов, при этом большинство трудноразличимых даже при помощи сильной лупы) и их последующей классификации, отчетливо проявилась стройная, остроумная и при этом экономная система, кодирующая путем комбинации всего лишь 17 символов (5 верхних — «наверший» и 12 нижних — «баз» штандарта) конкретные годы в 60-летнем хронологическом цикле. Более детально об этом можно узнать, прочтя несколько стра-

ничек в двух работах Ю. В. Кнорозова⁶, где предельно лаконично объяснено то, что совсем недавно казалось непостижимым. Как часто бывает в подобных случаях, разгадка оказалась столь простой, что трудно понять — почему почти за полвека никто не смог понять «штандарт». Первые исследователи были совершенно правы в своих интуитивных предположениях о значительности этого символа в протоиндийской культуре. Предложенная сейчас интерпретация «штандарта» — девиз конкретного года в 60-летнем хронологическом цикле — открывает совсем новое и очень перспективное направление в исследовании этой культуры.

В этой небольшой заметке не имелось в виду подробно излагать идею Ю. В. Кнорозова, для этого лучше обратиться к первоисточнику. Поставленная здесь цель гораздо скромнее, а именно:

во-первых, воздать должное этнографии, точнее этнографическим материалам, которые иногда могут помочь там, где все иные бессильны;

во-вторых, возразить тем скептикам, которые в принципе отвергают правомерность сопоставления материалов, разделенных очень большими (иногда в несколько тысячелетий) периодами; или, говоря иными словами, возражают против привлечения этнографических материалов для сопоставления с археологическими;

и наконец, в-третьих, конечно же, еще раз прославить коллекции МАЭ, великолепную базу для историко-культурных исследований многих регионов.

⁶ «Прото-Индика: 1972. Сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1972, стр. 234—241; «Прото-Индика: 1973. Сообщение об исследовании протоиндийских текстов». 1975, с. 12, 13.